

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Окончание. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

Ещё кое-что об указанной «Справке». На двух страницах этого документа ЕВАНГУЛОВ П.П. «...изобличается, как активный участник к-р троцкистской организации на строительстве медно-серного комбината...» с помощью двух абзацев, выдернутых почему-то именно из допросов Г.К. Маковского, хотя эти дикие обвинения встречаются в допросах почти всех остальных участников «процесса». Возможно, для экзекуторов имел особую прелесть факт родства моего отца с Георгием Константиновичем, женатым на папиной двоюродной сестре. «Справка» при этом испещрена резолюциями жирным синим карандашом с различными датами. Хотя справка составлена 8/III, 1-я виза кого-то из деятелей о согласии на арест получена уже 11/III, однако для ареста отца зачем-то потребовалось согласование с таким «высокопоставленным» лицом, как Межлаук В.К. — заместитель наркома тяжёлой промышленности Г.К. Орджоникидзе по цветной металлургии, что и было сделано 21/IV, т.е. более, чем два месяца спустя. А 24 мая 1937 года был арестован мой отец.

Замечу, что это не помешало Межлауку быть расстрелянным несколькими месяцами позже, уже после расстрела Пятакова, Серебровского, а также других участников строительства медеплавильного комбината «Ормедзолото», и самоубийства (или убийства?) Орджоникидзе.

В 1980 году по журнальным ссылкам я нашла в Ленинградской Публичной библиотеке книгу документальных очерков, на обложке которой изображены шесть портретов: Дзержинского, Куйбышева, Орджоникидзе, Межлаука, Рухимовича, Серебровского (Хавин А.В. *У руля индустрии: Документальные очерки. М., 1968*).

Книга содержит краткие биографические справки, без указания причин смерти, и широкие описания их политической и промышленной деятельности. Также в 1984 году в панегирической статье к 100-летию со дня рождения А.П.Серебровского, известного нефтяника и золотопромышленника, нет ни слова о причине и даже дате его смерти (Менделеев Л. Шёл в первых рядах // *Известия. 1984. 26 декабря*).

Возвращусь к анализу документов.

Рассматривая обложку «Дела № 2790», можно понять, что в начале 50-х годов оно было перерегистрировано из одного пухлого 15-томного в отдельные «дела» для каждого из обвиняемых. «Дело» по обвинению отца получило №7995 и содержит листы с 1 по 253, пронумерованные красным карандашом.

Первый документ — «Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения». Постановление, санкции и ордер на арест датированы одним днём — 23 мая 1937 года, и в этот же день мой отец был арестован.

В «Протоколе обыска» в перечне изъятых предметов значатся «Письма личной переписки, в письмах — 84 листа». В 1995 году я пыгалась вернуть эту переписку, а также письма, изъятые у нас с мамой при обыске в Москве. Однако в письме из УФСБ РФ по Оренбургской области от 8.06.95 года сообщалось, что «в материалах прекращённого архивного уголовного дела на Евангулова П.П. изъятых книг и переписки не оказалось и дальнейшая судьба их в материалах дела не отражена».

Займствованное из метрики отца и не раз подчёркнутое в документах обстоятельство, что он «из бывших потомственных почётных граждан», рассматривалось, очевидно, как ещё один уличающий признак.

В «Медицинской справке» (Архивно-след. дело №П-7995.Л.6.) санчасть УНКВД хладнокровно констатировала «трудоспособность» при серьёзном заболевании отца: «хронический суставной ревматизм; компенсированный порок сердца», указанном в той же справке.

Непосредственно за протоколами допросов, что видно из описи документов, следует снова «Постановление (о предъявлении обвинения)» от 25 июля 1937 года. Младший лейтенант УГБ «ПОСТАНОВИЛ: Евангулова Павла Павловича привлечь в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. ст. 58-1а, 58-8, 58-9 и 11 УК РСФСР».

Помимо нескольких протоколов допроса отца, в деле имеется «Постановление» об окончании следствия, объявленное обвиняемому «под расписку». Расписка написана рукой отца (кстати, почерком твёрдым и ясным) 26 июля 1937 года: «С материалами следствия по моему делу полностью ознакомлен...».

Следующий документ — «Обвинительное заключение» от 19 сентября 1937 года, один из основных, появился почти через два месяца. Но за этот промежуток времени произошло важное событие — маме предоставили свидание с папой. Вот как она это описала в своих воспоминаниях:

«После того, как моя дочь благополучно доехала до Ленинграда, к родным, меня в Москве ничто не удерживало и мы втрём: Маковская Н.А., жена Кудиша и я, поехали в Оренбург, к нашим мужьям, делать им передачи. Сняли комнату и уже на другой день были в НКВД. Комната была забита жёнами с передачами... 2 сентября 1937 года мы с Шейкиной З.Ф. отправились с передачами, и вдруг в этот день нам разрешили свидания с мужьями.

Меня привели в какую-то комнату и через момент привели Павла Павловича. Бритый, хорошо одет, даже ботинки в порядке. Сели мы за стол друг против друга, а сбоку откормленного вида следователь. Причём перед свиданием следователь меня предупредил: «Никаких разговоров и сведений с воли, иначе свидание будет прервано». Я сумела дать понять мужу, что Женя у дяди Миши, квартира опечатана, вещи у Павла Георгиевича. Он, конечно, понял, что всю нашу обстановку невозможно было забить в одну дедушкину комнату. Мы поговорили всё, что могли в присутствии этого упитанного типа, и свидание было закончено. Мы простились с Павлушей, причём внутри у меня было всё мёртво и холодно. Я почему-то не могла найти веру во что-то и надежду. Ведь это было массовое явление, когда же и как могли разобрать все эти аресты и дела? И кто и где? Ведь никто ни разу не получил никакого ответа на свои запросы и просьбы!

Когда П.П. увели, мне следователь объявил: «А теперь поделите вашу передачу на две части». «Зачем? — я спрашиваю. — Ведь я принесла ему тёплые вещи и продукты, всё это ему необходимо!» А он мне ответил: «Вы тоже арестованы, вот на Вас ордер», — и он протянул мне бумагу».

20 сентября 1937 года, т.е. на другой же день после оформления «Обвинительного заключения», состоялось так называемое «Подготовительное заседание Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР». Хотя на трафаретном бланке местом действия значится «гор. Москва», вершилось всё в Оренбурге. Здесь уже обозначилась «тройка», председатель и двое членов, заранее призванная осудить обвиняемого, в соответствии с «определением», где особенно красноречив пункт: «3. Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, в порядке постановления ЦИК СССР от 1-го декабря 1934 г.»

Это «Закрытое судебное заседание», в том же «троечном» составе — фикция суда, было осуществлено с большой торопливостью на другой день, 21 сентября 1937 года. Однако этот документ по «Делу» моего отца приобрёл неожиданный ракурс. Как видно из его текста, отец от всех своих вынужденных, данных под давлением следователей, показаний отказался, назвав их ложными, и заявил о своей невиновности.

Между тем, рассматривая лист «Приговора», задаёшься вопросом — почему ответственный заключительный документ «Дела», отправляющий человека на казнь, написан от руки? Впечатляет сам почерк — какой-то «остроугольный», неразборчивый, дающий пищу графологу. Кажется закономерными и грубые ошибки в тексте по существу: приговаривая человека к смерти, эти деятели не смогли даже правильно написать его отчество («Петровича» вместо «Павловича» в последнем абзаце приговора).

Мой отец был расстрелян в тот же день — 21 сентября 1937 года, как и большинство специалистов, обвинённых в мнимых преступлениях.

Далее следует «Справка» из отдельного пакета — о ней я писала выше, и фотографии отца с номером на груди — анфас и в профиль, смотреть на которые невыносимо тяжело.

И, наконец, последний документ на бланке с гербовой печатью «ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-024038/56» от 4 июля 1957 года, лаконично констатирующее, что «...дополнительным расследованием по делу установлено, что он был осуждён необоснованно по сфальсифицированным материалам».

Под тем же номером мне была выдана 22 июня 1957 года краткая, на половине листа, справка об отмене приговора Военной Коллегии от 21 сентября 1937 года и о посмертной реабилитации моего отца, т.е. через 20 лет со дня его незаконного ареста. А через 60 лет меня, его дочь, допустили ознакомиться с этими документами.

Ставя точку в завершающей крайне мучительной части моего повествования, припоминаю: случилось некое совпадение, как бывало не однажды, — едва написала первую фразу, приступая к выполнению своей задачи, уловила из радиоприёмника отдалённые звуки аккордов 1-й баллады Шопена, мгновенно ранившей душу. По вечерам в 1936 году мы с папой не раз наслаждались именно этой музыкой, записанной на пластинке.

Заканчиваю в надежде, что долг свой выполнила, и думаю о том, что для любого человека может наступить однажды день, когда он будет вправе вспомнить и произнести первую строчку молитвы: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему с миром!»